

ЧЕХОВ С НАМИ

15 июля исполняется сорок лет со дня смерти выдающегося русского писателя Антона Павловича Чехова. Более 20 лет проработал он на литературном поприще и вошел в историю русской литературы как мастер короткого рассказа и создатель новой лирической драмы.

Обладая редким талантом, Чехов смог соединить в своих произведениях юмор, сатиру и драматизм переживаний, создать глубокие художественные обобщения, которые стали достоянием человечества.

Чехов «почти весь уходил в анализ фактов действительности, в образное описание и суммирование данных быта, в раскрытие психологических явлений, индивидуальных и общих», строго держась правила: писать меньше, да лучше. Поэтому естественно, что Чехов стал виднейшим представителем русского критического реализма и занял одно из первых мест в ряду корифеев русского слова — Пушкина, Гоголя, Салтыкова, Некрасова, Л. Н. Толстого.

Сила и действенность его реализма вполне равны силе и действенности реализма классиков русской революционно-демократической литературы. Правда, Чехов не был политиком, в прямом смысле этого слова, не был моралистом, как, например, Толстой, но зато он не был и человеком крайности, не впадал в заблуждения Толстого и Достоевского, народников и либералов. Он был честным реалистом — художником, не приемлющим лжи и лицемерия.

Горький не без оснований говорил, что у Чехова есть своя какая-то высшая точка зрения. И это так. «Я не пейзажист только, — писал Чехов, — я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что, если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и прочее и прочее...». «Во мне течет мужицкая кровь» (Чехов). «Мое святое святых, — писал он Плещееву, — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались».

Вполне понятно, что только с высоты такого духовного величия в соединении с блестящим талантом и можно было дать то глубочайшее отражение действительности, какое дал Чехов.

Читая его произведения, начиная с самых ранних и кончая последними, убеждаешься в одном мнении: он всегда оставался на высотах истинно человеческого настроений и упований. И не за чем искать «идеологию» Чехова, как это делают некоторые критики, в разных закоулках разных либералов, буржуа, Суворинных и т. д.

Не пристав ни в какой из современных политических партий, Чехов служил своим пером художника марксизму. Его «Мужики», например, явились мощной силой для марксистов в разгоревшихся спорах с народниками о путях развития России и о той социальной силе, которая должна стать основой в борьбе за социализм.

Ко всему этому прибавим еще то, что Чехов охотно протянул руку М. Горькому, признав в нем истинного художника и друга. Он не поколебался выйти из почетных академиков, когда узнал, что Академия наук, согласно

рассерчку пера царя Николая исключила Горького из списка почетных академиков. Естественно поэтому, что он, как человек и писатель, должен был послужить и послужил родине, великому делу Ленина—Сталина. Ленин любил Чехова, что хорошо видно из «Воспоминаний об Ильиче» А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Он не раз употреблял образы чеховских героев в своих работах и таким образом ставил наследие Чехова на службу пролетарской революции. Это наследие конкретно служило Владимиру Ильичу острым оружием в борьбе со всякого рода врагами народа: меньшевиками, кадетами и пр. Особенно широко использовал Ленин образ человека в футляре, т. е. Беликова, из рассказа «Человек в футляре», ибо этот образ наиболее полно воплотил в себе черты отрицания жизни, ее движения вперед.

Так, в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905), давая характеристику меньшевикам в вопросе о смысле и значении буржуазной революции, Ленин писал: «Они удовлетворяются, — точно они и в самом деле стали «человеками в футляре», — меланхолическим разговором о «процессе взаимной борьбы противоположных классов», когда речь идет о том, чтобы дать демократическое руководство в настоящей революции...» (т. VIII, стр. 59).

Зло высмеивает Ленин, пользуясь чеховским рассказом «Душечка», Потресова (Старовера) за его неустойчивость и беспринципность. Так, в заметке «Социал-демократическая душечка» (1905) он пишет: «Тов. Старовер очень похож на героиню Чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с аутре-пренером и говорила: мы с Ванечкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высокими тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих то объятиях очутишься ты завтра?» (т. VIII, стр. 253).

Из приведенных примеров ясно, чем и как послужило Ленину творческое наследие Чехова. Чехов не стареет. Его юмор и сатира продолжают жить и за рубежом Великого Октября И. В. Сталин в статье «Головокружение от успехов» (1930), вскрывая чиновничье декретирование в колхозном строительстве, пишет: «Что может быть общего между этой «политикой» унтера Пришибеева и политикой партии, олицетворяющей на добровольность и учет местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего». («Вопросы ленинизма», 11-е издание, стр. 301).

В «Политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)» тов. Сталин, оценивая лидеров правой оппозиции, привлекает чеховского человека в футляре: «Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, человек в футляре. Помните чеховский рассказ «Человек в футляре»? Этот герой, как известно, ходил всегда в калошах, в пальто на вате, с

зонтком и в жаркую и в холодную погоду. «Позвольте, для чего вам калоши и пальто на вате в июле месяце, в такую жаркую погоду?», — спрашивали Беликова. «На всякий случай, — отвечал Беликов, — как бы чего не вышло: а вдруг ударит мороз, как же тогда?» (Общий смех. Аплодисменты). Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую, — у Беликова уже тревога: «оно, конечно, может быть, и хорошо иметь столовую, но смотрите, как бы чего не вышло». Организовали драматический кружок, открыли читальню, — Беликов опять в тревоге: «драматический кружок, новая читальня, — для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло». («Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 436-437).

Чехов в отношении к Беликовым и Пришибеевым, несомненно, — наш прямой предшественник. Он наш, он с нами. Чехов созвучен нам во многих отношениях. Он не признал того мира Пришибеевых, Беликовых и хамелеонов, который существовал до Октября. Он обнажил его язвы и рвался к светлому будущему, доказывая своими произведениями, как не следует жить, как мерзко погрязать в мещанстве и пошлости, как надо вести себя в чувстве личной свободы. Он подготовлял путь к новой жизни для народа, считая нормальным состоянием человека — быть свободным, любить истину, служить ей, «искать правды в смысле жизни».

Он верил в лучшую жизнь и считал, что она «не за горами». Некоторые критики ссылаются на слова Чехова, сказавшего, что лучшая жизнь будет через 200, 300, 1000 лет — дело не в сроках. Однако, критики забывают, что «Случае из практики» Чехов значительно приблизил наступление хорошей жизни, укоротив срок до 50 лет. Но новая жизнь пришла раньше — всего через 14 лет после смерти писателя.

А его понимание любви к родине? Как оно возвышенно! Оно выражается в преклонении перед знаниями, перед самоотверженным трудом, честью и справедливостью, в защите обиженных и униженных, в постоянном напоминании о том, что «есть жизнь, и если она имеет смысл и цель, то они заключаются в чем-то более разумном и великом».

Чехов отрицал свою любовь к родине от того патриотизма дворян и чиновников, который «не идет дальше «чести мундиров», мундиров, которые служат обыденным украшением наших скамей для подсудимых» (Чехов).

Когда началась война России с Японией, Чехов долгое время старался поддержать в себе мнение, что «японцам не слобровать», что «наши побьют японцев». И когда он убедился, что война принимает затяжной характер, то решил поехать на Дальний Восток, но не в качестве корреспондента, а в качестве врача. Ему важно было облегчить страдания народа, принести ему непосредственную помощь и пользу. И здесь он, как и в других случаях, с нами, и здесь он народен, а раз так, то заключает в себе зерно будущего, вечного. Один из его героев («Дом с мезонином») развивает идею о главном назначении человека — жить для вечного и общего. Это назначение, на наш взгляд, Чехов выполнил своим пером художника.